

Шершеневич Габриэль Феликсович

**Общее учение о праве и
государстве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г12

Г12 **Габриэль Феликсович Ш.**
Общее учение о праве и государстве / Шершеневич Габриэль Феликсович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 159 с.

ISBN 978-5-521-31065-4

ISBN 978-5-521-31065-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ

—— О ПРАВѢ
И ГОСУДАРСТВѢ.

Лекція первая.

**Общежитель-
ность человѣка.**

У древнихъ грековъ существовало преданіе о томъ, какъ высшее божество, Зевсъ, послалъ крѣпкаго заднимъ умомъ Эпиметей раздать существамъ, живущимъ на землѣ, различныя средства борьбы за существованіе. Эпиметей усердно выполнялъ порученіе: кому далъ острые когти, кому — могучія крылья, кому — окраску шерсти, скрывающую отъ глазъ врага. И когда дошла очередь до человѣка, то у Эпиметей ничего болѣе не осталось. Чтобы исправить ошибку, Зевсъ далъ человѣку общественный инстинктъ, какъ лучшее средство, обезпечивающее его существованіе. Согласно съ этимъ преданіемъ и философъ древней Греціи, Аристотель, полагалъ, что человѣкъ есть существо по природѣ своей общежительное: жить внѣ общества можетъ или божество, или животное, но не человѣкъ. Однако едва ли можно въ общительности человѣка видѣть отличительный его признакъ. Во-первыхъ, не только человѣкъ, но и нѣкоторыя иныя существа живутъ не иначе, какъ обществами, напр., муравьи, пчелы, бобры. Во-вторыхъ, нѣкоторые люди живутъ до сихъ поръ обособленно, бродятъ одиноко или попарно

въ лѣсахъ, какъ, напр., нѣкоторыя племена въ Южной Америкѣ.

Общежительность человѣка не есть свойство; данное ему природою въ отличіе отъ другихъ живыхъ существъ. Это есть свойство, приобретенное въ теченіе долгаго развитія человѣческаго рода, вслѣдствіе опыта, показавшаго человѣку, что жизнь въ обществѣ болѣе способна обезпечить интересы, нежели жизнь въ одиночку.

Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время люди, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, живутъ не иначе, какъ въ обществѣ. Что же влечетъ ихъ другъ къ другу, что объясняетъ тяготѣніе человѣка къ общенію съ подобными ему?

По мнѣнію голландскаго философа XVII вѣка Гуго Гроція, у человѣка имѣется «жажда общенія». Человѣкъ чувствуетъ сильную симпатію къ людямъ и потому стремится быть съ ними вмѣстѣ. Напротивъ, англійскій философъ Гоббсъ утверждалъ, что «человѣкъ человѣку — волкъ», что каждый человѣкъ вынужденъ и готовъ вести войну противъ всѣхъ другихъ людей. Очевидно, это два совершенно разныхъ взгляда на человѣка. Можно ли согласовать ихъ? Или же они находятся въ такомъ противорѣчьи, что примиренія не допускаютъ, и остается выбрать одинъ изъ нихъ, отбросивъ другой?

Кажется, примиреніе возможно, и противорѣчіе только видимое. У cadaго человѣка, какъ и у всякаго организма, есть стремленіе къ самосохраненію: человѣкъ стремится ко всему, что можетъ

способствовать его существованію, и избѣгаетъ всего, что можетъ сократить или уничтожить его существованіе. Если бы мы представили себѣ такое состояніе, при которомъ люди жили бы обособленно, то, несомнѣнно, у каждого, подѣ влияніемъ чувства самосохраненія, долженъ бы развиться враждебный, а во всякомъ случаѣ подозрительный взглядъ на другого; какъ соперника въ добываніи средствъ существованія. Первобытные люди встрѣчаются у дерева, плоды котораго нужны каждому изъ нихъ, сталкиваются въ погонѣ за животнымъ, нужнымъ тому и другому. Вѣдь они другъ другу соперники. Что, кромѣ взаимной вражды, можетъ явиться у нихъ?

И пусть намъ не говорить, что теперь нельзя себѣ представить ничего подобнаго, такъ какъ люди живутъ не иначе, какъ въ обществѣ, и добываютъ средства существованія не иначе, какъ сообща. Въ нашемъ современномъ обществѣ каждый предоставленъ самому себѣ въ дѣлѣ обезпеченія средствами существованія. Только теперь это дѣлается не оружіемъ, не силою, а способами, которые признаны законными, допустимыми. И какая вражда взаимная создается соперничествомъ! Купецъ видитъ въ другомъ купцѣ врага, готоваго погубить его дешевыми цѣнами; фабрикантъ боится новыхъ средствъ производства, примѣняемыхъ другимъ фабрикантомъ; рабочій ненавидитъ рабочаго, согласившагося отдать свой трудъ за болѣе дешевую плату; чиновникъ видитъ соперника въ другомъ чиновникѣ, рассчитывающемъ на одну и ту же должность, и потому готовъ подставить ему

погу. Съ этой точки зрѣнія Гоббсъ правъ, отнесемъ ли мы его воззрѣнія къ первобытному чело-вѣчеству или къ современному.

Но съ другой стороны, весьма рано подмѣчаетъ чело-вѣкъ, что обезпеченія своего существованія онъ можетъ легче достигнуть въ общеніи съ другими, чѣмъ отдѣльно, своими слабыми силами. Одному не справиться съ такимъ звѣремъ, какъ слонъ. Но если собраться въ большомъ числѣ, то охота можетъ увѣнчаться успѣхомъ и добычи хватить на всѣхъ. Вѣдь и волки соединяются для совмѣстной травли животнаго, напр., лося. При такомъ общемъ дѣлѣ чело-вѣкъ чело-вѣку не соперникъ, а союзникъ. Одинъ другому желаетъ не гибели, а удачи, силы, здоровья, потому что успѣхъ однихъ — успѣхъ другихъ. И въ современномъ обществѣ замѣчаемъ такое же превращеніе взаимныхъ чувствъ. Нѣсколько купцовъ, еще недавно боровшихся ожесточенно другъ съ другомъ на почвѣ конкуренціи, соединяются въ одно товарищество, сплачивающее недавнихъ враговъ въ самыхъ тѣсныхъ союзниковъ. Вотъ рабочіе, ненавидѣвшіе другъ въ другѣ конкурентовъ, способныхъ понизить заработную плату. Но они составили рабочій союзъ, и сила cadaго изъ нихъ заключается отнынѣ въ силѣ всего союза, т.-е. всѣхъ. Каждый желаетъ другому всего лучшаго, потому что это хорошо и для него самого.

Такимъ образомъ мы видимъ, что одни чувства превращаются въ иныя въ зависимости отъ того, чего ожидаетъ чело-вѣкъ отъ общенія съ другими. Въ каждомъ обществѣ имѣются задатки для взаим-

ной вражды и для взаимной пріязни. Стоить поддержать одну сторону — и вражда усилится, стоит поддержать другую — и вражда ослабнетъ.

Теперь мы пришли къ заключенію, что общечеловѣчность человѣка есть свойство, имъ усвоенное въ теченіе долгаго опыта, и что притяженіе человѣка къ обществу или отталкиваніе отъ него зависятъ отъ самаго склада общественныхъ отношеній.

Что такое
общество?

Что же такое общество? Передъ нами многочисленная толпа, снующая по улицѣ большого города. Одни бѣгаютъ съ порученіями, другіе переходятъ изъ магазина въ магазинъ за покупками, третьи спѣшатъ на службу, частную или государственную. Между ними проносятся экипажи, тащатся нагруженные возы. Можно ли эту массу людей, сгущенныхъ въ одномъ мѣстѣ, признать за общество? Нѣтъ. Это не общество, потому что у нихъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ того мѣста, на которомъ эти люди толпятся. Другой примѣръ. Зрительный залъ театра биткомъ набитъ посѣтителями, собравшимися сюда для одной и той же цѣли — посмотреть на спектакль. Составляютъ ли всѣ эти люди, собравшіеся вмѣстѣ, общество? Опять-таки нѣтъ. У нихъ дѣйствительно одна и та же цѣль, загнавшая всѣхъ въ одно и то же мѣсто. Каждый изъ зрителей, уплативъ за билетъ, желаетъ получить удовольствіе отъ одного и того же зрѣлища. Но между собою всѣ эти люди, составляющіе зрительную толпу, не имѣютъ ничего общаго. Поэтому и здѣсь нѣтъ общества.

Теперь мы приходимъ къ заключенію, что масса людей для того, чтобы составить общество, нуждается въ чемъ-то связующемъ ихъ въ одно. Эта связь создается общимъ интересомъ. Подъ именемъ интереса понимается сознаніе, что данная потребность можетъ быть удовлетворена извѣстными средствами. Такъ, у каждаго человѣка есть интересъ въ пищѣ, одѣяніи, жилищѣ. У нѣкоторыхъ людей, обладающихъ потребностью въ умственномъ наслажденіи, есть интересъ къ книгѣ. Это—личный интересъ. Когда у цѣлой группы людей возникаетъ сознаніе, что ихъ потребности могутъ быть удовлетворены лучше всего соединенными силами, то у нихъ создается общественный интересъ, — интересъ общенія. Общество и есть совокупность людей, объединенныхъ сознаніемъ, что извѣстныя потребности, общія имъ всѣмъ, могутъ быть удовлетворены наилучшимъ образомъ только ихъ совмѣстными силами.

Этотъ связующій людей въ общество интересъ долженъ имѣть постоянный характеръ, иначе связь будетъ только мимолетной. Если кочевники соединяются для того, чтобы сдѣлать совмѣстно набѣгъ на деревню, съ которою нелегко справиться въ одиночку, то такое соединеніе не будетъ обществомъ. Удастся ли набѣгъ, или онъ окончится поражениемъ, соединеніе разсыплется такъ же легко и безслѣдно, какъ и образовалось. Настоящее общество такъ же мало похоже на подобное случайное и преходящее соединеніе, какъ бракъ мало похожъ на уличную встрѣчу мужчины съ женщиной.

Теперь мы знаемъ, что превращаетъ соединеніе людей въ общество. И отсюда же слѣдуетъ, что границы общественной связи опредѣляются общностью интереса. Гдѣ кончается сознание общаго интереса, взаимной потребности, тамъ теряется общественная связь. Искусственно превратить совокупность людей въ общество или расширить его за предѣлы сознания общности интереса — невозможно.

**Историческія
формы общенія.**

Первичною формою человѣческаго общенія является семья, связывающая своихъ членовъ интересомъ воспитанія молодого поколѣнія, которое безъ продолжительной поддержки родителей осуждено было бы на гибель. Но и сама семья пережила различныя формы. Можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люди сразу приняли парный образъ сожителства, который свойственъ и многимъ животнымъ. Но есть основанія думать, что въ исторіи семьи имѣются и иные страницы.

Первая прочная связь устанавливается не между мужемъ и женою, а между матерью и дѣтьми. При-
Семья. нужденная кормить ребенка и охранять его отъ опасностей, мать довольствовалась самыми простыми способами питанія, лишь бы они были постоянно подъ руками и могли быть добыты безъ большого риска. Напротивъ, отецъ занимался охотой, которая была рискованна, то давала обильную пищу, то заставляла долго голодать, но зато развивала въ мужчинахъ отвагу, физическую силу, изобрѣтательность. Постоянное прикосновеніе къ животному міру наталкивало человѣка на мысль

приручить животныхъ. Можетъ-быть, первымъ побужденіемъ была забава, какъ, напр., теперь охотники забавляются молодыми лисицами или медвѣжатами. Но возможность использовать прирученное животное, въ случаѣ голода, на надобности питанія, была важнымъ открытіемъ: домашній скотъ сдѣлался богатствомъ, устраняющимъ необходимость рыскать въ поискахъ дичи.

Однако это богатство нуждалось въ рабочей силѣ, которая бы охраняла стадо, перегоняла его съ мѣста на мѣсто. Эту силу можно было добыть только насиліемъ. Охота на животныхъ смѣняется охотой на людей. Устанавливается рабство. Среди рабовъ оказались женщины, которыя не только выполняли обязанности рабочей силы, но и жены. Чѣмъ сильнѣе и ловчѣе былъ мужчина, чѣмъ больше было его стадо, тѣмъ большее число женъ-рабынь приобрѣталъ онъ путемъ похищенія. Неудачи набѣга или нежеланіе риска создаютъ рядомъ съ похищеніемъ женъ покупку ихъ, которая со временемъ вытѣсняетъ почти совершенно первый способъ брака. Такимъ образомъ создается новая форма семьи, гдѣ одинъ мужчина сожителемъ со многими женами и приживаетъ многихъ дѣтей, которыя являются ничѣмъ инымъ, какъ приплодомъ, на который хозяинъ имѣетъ право собственности. Это такъ называемая патриархальная семья.

Родъ. Вся эта масса лицъ держится властью домохозяина. Она еще разрастается отъ того, что сыновья патриарха приобрѣтаютъ себѣ, въ свою очередь, женъ